

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Л. Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ
ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ГУМИЛЕВА
GUMILYOV EURASIAN
NATIONAL UNIVERSITY

Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2015»
атты X Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
X Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2015»

PROCEEDINGS
of the X International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2015»

УДК 001:37.0
ББК72+74.04
Ғ 96

Ғ96

«Ғылым және білім – 2015» атты студенттер мен жас ғалымдардың X Халық. ғыл. конф. = X Межд. науч. конф. студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2015» = The X International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2015». – Астана: <http://www.eni.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie-2015/>, 2015. – 7419 стр. қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-9965-31-695-1

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001:37.0
ББК 72+74.04

ISBN 978-9965-31-695-1

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2015

форм религиозного поведения и жанров духовного творчества.

Есенинское творчество глубоко национально по своему духу и соприродно народному, фольклорному типу образного мышления.

Список использованных источников

1. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1976 – 475 с. – С. 304;
2. <http://www.textologia.ru/literature/russkiy-folklor/folklor-i-literatura/svyaz-mezhdu-folklorom-i-literaturoy/3400/?q=471&n=3400&p=1>;
3. Есенин С. А. Избранное / Сост., предисл. и примеч. Ю. Л. Прокушева. – М.: Просвещение, 1986. – 255с. – С. 17;
4. Г. П. Федотов Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; Послесл. С.Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Прогресс, 1991. – (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). – 192 с. – С. 13;
5. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха // Сборник ОРЯС АН.: СПб., 1679-1889. – Вып 1-6. – С. 306;
6. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства // Соч. Ф. Буслаева. – Т. 1 – Санкт-Петербург, 1861 – 511 с. – С. 217;
7. http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ESENIN_SERGE_AL_EKSANDROVICH.html
8. Базанов В. Г. Поэзия Сергея Есенина / С. А. Есенин // Стихотворения, поэмы. – Художественная литература, 1973. – 384 с. – С. 4;
9. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань: Узорочье, 2002. – 520 с. – С. 59;
10. Вроон Р. Топос и ментальность: К сравнительному анализу космических образов в поэзии новокрестьянских поэтов // Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы. М.: Изд-во: Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2011. – с. 133 – С. 72.

УДК 82-32/5

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА РАССКАЗА М. КОНУРОВА «НА ЧТО ПОХОЖИ ОБЛАКА?»

Калиева Шолпан Есенжоловна,
sholpan_kaliyeva@mail.ru

Жексенбаева Нургуль Едиловна
nur_9702@mail.ru

Студенты 1 курса филологического и архитектурно-строительного факультета
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Научный руководитель - Г.К. Садуакас

Марат Сеитович Конуров – наш современник, не только писатель, но и сценарист, режиссер, член Союза Писателей Казахстана, член Академии телерадиоискусства. В статье предпринимаем попытку раскрыть художественную систему *жанра и метода изображения* ранее не изученного рассказа Марата Конурова «На что похожи облака?» [1] сквозь призму изучения его четырехуровневой структуры (концепция А.Е. Кулумбетовой) [2: 9-11].

Четырехэтапный системно-структурный анализ текста сопряжен с анализом названия, выявлением границ хронотопа настоящего времени повествования, изучением активного центра – развязки, рассмотрением смысловых частей текста.

Анализ названия «На что похожи облака?» выявил доминирование знакового, сюжетно-композиционного, ритмико-интонационного и идейно-тематического уровней [3: 4-14]. На

первый взгляд, проступает связь с детским мировосприятием. В детстве нередко каждый из нас задавался этим вопросом, наблюдая за причудливыми формами облаков. Знаковый смысл названия – в выражении чего-то предполагаемого, воображаемого. Потенциально ему реальное. Определившийся спор реального и предполагаемого функционально выражен вопросительным знаком в названии «На что похожи облака?», свидетельствуя о главенстве ритмико-интонационного уровня.

Второй этап изучения текста связан с определением *хронотопа* (термин М.Бахтина) настоящего времени повествования, что важно для нас, читателей, поскольку писатель отражает свою современность. Настоящее время повествования начинается со строк «И для меня наступил тот самый день, когда вдруг все стало поздно» [1: 2], где начинается повествование о метаморфозах, происходящих с героя-повествователем. Это мистические сцены превращения героя в Волка – сказочного персонажа, олицетворяющего жестокость, кровожадность и некую силу одновременно, его удачная попытка обмануть «пьяное деревенское мужичье» [1: 3], ужасающая встреча с Бабой-Ягой. Интересна авторская интерпретация традиционных сказочных образов. Кровожадный и свирепый Волк представлен беспомощным, но и хитрым страдальцем, злая ведьма Баба-Яга – нестрашной старухой, даже бабушкой, и, наконец, Василиса Прекрасная – «бессердечной лебедью-птицей», предавшей своего любимого [1: 2]. Человеческие страдания героя обострены на фоне внешнего вида героя – хищного животного. Такое сложное неоднозначное переплетение воображаемых образов и реальных чувств, внешнего, видимого и внутреннего, скрытого говорят о заложенном в человеке стремлении слиться с природой. Потому невозможно уловить грань русской (упомянутые аллюзии, отсылающие читателя к русским сказкам) и казахской души. Последняя, например, прослеживается в недобром предчувствии героя: «Я скосил свой взгляд чуть правее и увидел большую белую юрту, перехлестнутую арканами и с закрытой дверью. Это были плохие приметы – не стоял мальчик в казахском чапане с кувшинчиком в руках, чтобы слить на руки, и дверь юрты, закрытая наглухо! – эти образы неприятно шевельнули мое дремучее волчье сердце и, ошарашенный и оглушенный, я не понял посылаемого мне Высоким ТЭНГРИ знаменья и в страхе отбросил взгляд правее, туда, где оно слилось с полукружьем земли» [1: 5].

Наличие экспозиции, предваряющей хронотоп настоящего времени повествования, говорит о склонности писателя к созданию средних и больших эпических форм. В данном случае это говорит о признаках средней формы в «рамках» малой.

Системно проступает связь первого и второго этапов анализа текста, поскольку выявленное нами на знаковом уровне еще в названии *лирико-философское и социально-психологическое противоречие реального и предполагаемого* проступает в границах настоящего времени повествования. Повторим, что оно важно, поскольку отражает современный Конурову конфликт эпохи и личности. Разлука с любимой, точнее ее предательство, – ситуация, выходящая из-под контроля героя, ищущего пути разрешения своих страданий в каких-то первобытных, стихийных, языческих началах (обращение к Тэнгри). Автор потому и выбирает столь мистический катарсис героя, оттеняя тем самым рассудочность, прагматизм нынешнего поколения. Как очевидно, *постмодернизм* Конурова в отображении современной ему эпохи сказался в *текучести и неоднозначности* изображения реального и предполагаемого, рассудочного и чувственного [4: 208-234]. Также *постмодернизм* обусловил использование в рассказе *аллюзий*. Параллели очевидны не только с миром «забытых сказок» и с традициями гостеприимства казахского народа (отсутствие мальчика в казахском чапане у закрытой наглухо дверей юрты), но и с некой детской непосредственностью, по авторскому определению, «незамаранным детским максимализмом» [1: 2]. Очевидна и здесь связь с названием, изоморфно передающая неизбывное детское любопытство и безграничную веру в чудеса. Облака – знак легкости, необремененности и текучести.

Вообще, *постмодернизм* в литературе с трудом поддается определению. Нет однозначного мнения относительно его признаков. На наш взгляд, *постмодернизм* –

«рассудочный» метод, исключая экспрессию чувств, переживаний. Вслед за Д. Затонским считаем, что постмодернизм – это смешение всех нереалистических средств изображения – иронии, абсурда и ужаса; плюрализм мировидения, обусловивший внимание к «текучести», взаимопереходности, «неоднозначности» и «многозначности»; «коловоращение подъема и спада» и т.д. [4: 208-234]. Также не чужда нам и точка зрения Ю. Нигматуллиной, перечисляющей черты постмодернизма. Это «релятивизм», в основе которого мысль об относительности всего; «игра на всех уровнях»; «полицитатность (скрытая и явная)»; «сциентизм»; «космизм» [5: 153-158].

Беремся утверждать, что наряду с постмодернизмом, очевиден и экспрессионизм. Свидетельство тому – описание истерзанного человеческого сердца, пиковых моментов переживаний посредством экспрессивной лексики, изображение контраста бездушной среды и страданий человека, города и природы. Доказателен, например, эпизод превращения героя в волка: *«Боль, трепавшая мое человеческое сердце, зажглась теперь и в волчьем и, поселившись в нем, стала терзать его с нарастающей силой, которую невыносимо было терпеть...»*

И тогда я стал кружиться вьюном вокруг самого себя, пытаясь поймать и отгрызть себе хвост, хотелось выть и валяться на темном снегу, искусывая себе до крови лапы и исцарапывая морду, в жутком порыве распороть свой живот и выжрать собственные внутренности» [1: 2].

Третий этап анализа текста – определение *активного центра*» [3: 4-14], то есть развязки в традиционном понимании. Развязка чаще воспринимается как разрешение кульминационной, пиковой ситуации в произведении. Мы же представляем развязку активным центром, важнейшим средоточием формально-содержательных критериев произведения, завершающим, итоговым мигом настоящего времени повествования.

В рассказе М. Конурова – это последний абзац: *«Я взял в сених глиняный горшок с охрани-травой и оберег-травой и пошел задами, спотыкаясь, но не оглядываясь, через огороды, в сторону пролегающего большака, и черный лес не манил меня больше и впереди ждала дорога очищения!»* [1: 7]. Очевиден малый объем развязки при активности одного героя, что говорит о малой жанровой форме. Конец оптимистичен по сравнению с экспрессивным, трагическим развертыванием переживаний героя, испытавшим предательство любимой. «Следы» объектной темы – *реальные* авторские знаки: «*черный лес*» – «*дорога очищения*» и детали: «*спотыкаясь*» – «*не оглядываясь*» отражают социально-психологическую и лирико-философскую борьбу безвыходности и веры. Это примета жанра рассказа, в котором, в отличие от новеллы при малой эпической форме, синхронно воспринимается идея текста. В данном случае, это *утверждение в качестве прекрасного неизбывной надежды человека*. Детали «*охрани-травы*» и «*оберег-травы*» – еще одно свидетельство обращения героя к природе. По языческим традициям считалось, что растения способны излечивать болезни, не только физические, но и духовные. Захватив с собой «глиняный горшок с охрани-травой и оберег-травой» и как бы набираясь сил, идет вперед. Прошлое остается позади, отождествляясь с «*черным лесом*». Дорога – знак выхода и дальнейшего развития. Неуверенные, слабые, но все же предпринятые шаги («*спотыкаясь, но не оглядываясь*») говорят об активности героя, еще не осознавшего до конца бесполезность зарывания в самого себя, в стихийные начала своей души. Тем не менее, путь его развития еще тернист («*через огороды*»). Относительность состояния рассказчика-героя определяется *постмодернистским* мировосприятием М. Конурова.

В этой связи неожиданным является восклицательный знак, завершающий текст. Думается, это признак *экспрессионистского* метода, черты которого проявляются в смысловых частях текста. Так, при рассмотрении смысловых отрезков текста (четвертый этап анализа) мы обнаружили обилие используемой автором экспрессивной лексики, отражающей острые переживания героев. Например, «*как великая милость, посланная свыше, как дорогая награда*», «*с израненной душой и искромсанным, кровоточащим сердцем*» [1, с. 2], «*меня шарахало из стороны в сторону*», «*серая шкура кровоточила, изодравшись об*

колючие и злые ветки», «блехастые псы», «Великая травля», «жуть!», «острыми иглами пробежала по коже» [1, с. 3].

Четвертый, завершающий *этап системно-структурного анализа* текста посвящен изучению жанра и метода в канве текста. Мы разграничиваем текст на смысловые части, опираясь на тематический принцип. Это *микрофокусы* (темы, т.е. развитие действия в традиционном понимании) и *фокус* (проблема, или кульминация) [2, с. 3]. Поскольку признаки метода мы рассмотрели, сочли нужным отразить художественную систему рассказа для наглядности в виде таблицы (№ 1).

Таблица №1

Смысловая часть текста (тема, проблема)	Границы	Реальные детали и знаки (авторские антонимы)	Суть тематического либо проблемного противоречия
Первый микрофокус	Начало: «Я сидел на самом краю земли». Последнее предложение: «Занесло их илом жизненных событий, оттого что многое, во что я верил с чистым, еще незамаренным детским максимализмом, очень и очень многое из тех сказок в моей жизни не сбылось»	«бренное, усталое тело», «израненная душа и искромсанное, кровоточащее сердце» - «великая милость»; «дорогая награда»; «явилось» - «не сбылось»; «ил жизненных событий» - «сказки»	Социально-психологический конфликт чувств <u>реального</u> и предполагаемого, желаемого
Второй микрофокус	Начало: «Не приплыла ко мне золотая рыбка с прозрачным вуалевым хвостом...» Последнее предложение: «Бывает в природе состояние, когда светлый день неожиданно темнеет, точно неведомая сила давит небо к земле, в один миг все вокруг сгущается и тогда сразу становится поздно»	«золотая рыбка», «Кошей Бессмертный и Змей Горыныч»; «Бабы-Яги» - «Василиса Прекрасная»; «лягушка» - «милая красавица»; «прекрасная» - «бессердечная»; «умоляя не оставлять» - «не трогала судьба того, брошенного ею»; «самая лютая стужа» - «светлый день»; «небо» - «земля»	Социально-психологическое противоречие между <u>мрачным</u> , давящим и светлым
Третий микрофокус	Начало: «И для меня наступил тот самый день...» Последнее предложение: «Путь мой был труден, я истощал и проваливал боками, меня шарахало из стороны в сторону и серая шкура кровоточила, изодравшись об колючие и злые ветки, и, с подгибающимися и дрожащими от усталости лапами я неожиданно выбрался на эту самую опушку»	«не в силах больше оставаться» - «очутился»; «безжалостные и бессердечные»; обманчивые и расчетливые» - «волшебный»; «человеческое» - «волчье»; «визжал от ярости и бессилия» - «скрежетал и хохотал»; «кувыркался» - «поднялся и побрел»	Социально-психологическая борьба <u>надежды</u> и безнадёжности
Четвертый	Начало: «Духмяный запах	«говенная дворняга» -	Социально-

микрофокус	свежеиспеченного хлеба...» Последнее предложение: «Моя хитрость сработала, путая руки, мужики покрестились спяну от пуза ко лбу и успокоившись разбрелись по домам, разочарованные, доедать сивуху, бормоча в прокуренные усы: – Не здря говорят, что первак на махре настоящий, по бельмам, бьет! Вот псину за серого приняли...».	«гневный, волчий блеск»; «шелудивый» - «пьяное мужичье»; «Великая травля» - «жалость»; «псина» - «серый»	психологическая и философская борьба <u>разочарования</u> и злобности
Пятый микрофокус	Начало: «Я бы и проковылял прочь...» Последнее предложение: «А другие, дальние, шептались между собой о том, что весенние, паводковые воды окончательно вымочили их и потому они теперь останутся без шелестящей листвы»	«броситься наутек» - «приблизился»; «светлая голубая кровь» - «кровь черного цвета»; «отлегло от сердца» - «повергло меня в шок»; «ослепла» - «продолжаю смотреть»; «потеряла счет» - «пытаюсь распознать»; «манящее к себе» - «зыбка уходила»; «тонкая ручечка» - «удивительная сила»; «скособоженная берёзка» - «пышная», «добродушная соседка»	Социально-психологическое противостояние <u>безысходности</u> и надежды.
Фокус, т.е. кульминация текста	Начало «Всё, что я услышал в тот миг...» Последнее предложение: « – Тогда будешь мучаться ты! Я напою тебя охранит-травой и дам с собой в дорогу. Но она не сразу поможет, любовь твоя к ней необыкновенно крепка. Возьми в сенях горшок, в нем охранит-травы и оберег-травы, выпей сейчас и пей каждый день. Когда она закончится, ее печать будет стерта с твоего лица. А теперь уходи, путь твой будет долг, до тех пор тебе не будет покоя, пока ты не выпьешь ее всю. Иди! – старуха взмахнула рукой, то ли благословляя меня, то ли изгоняя прочь, рассерженная за мой ответ»	«немая просьба понять и простить ее»; «какая-то немая жалоба» - «злое удовлетворение»; «люблю» - «хочу забыть»; «сказка» - «электрическая лампочка»; «серая волчья шкура» - «тонкая человеческая кожа»; «волчий вой» - «плач сердца»; «огромная и жуткая преисподняя» - «первые лучи солнца»; «ушел в глубокое забытие» - «мозг очнулся»; «мир иной» - «этот мир»; «сладчайшая нега земного рая» - «смертельный пруд, наполненный ядом земного ада»; «веки предательски вздрогнули» - «не посмел шевельнуться», «продолжал лежать»;	Социально-психологический конфликт <u>решительности</u> и слабости

		«боль» - «сила»; «пронзавшая и корежившая мое тело» - «стала потихоньку отступать и вытесняться»; «взрослый муж» - «крохотный ребенок»; «благословляя меня» - «изгоняя прочь»	
Активный центр, т.е. развязка	Одно предложение: «Я взял в сених глиняный горшок с охранитравой и оберегтравой и пошел задами, спотыкаясь, но не оглядываясь, через огороды, в сторону пролегающего большака, и черный лес не манил меня больше и впереди ждала дорога очищения!» [1: с. 7]	«черный лес» – «дорога очищения»; «спотыкаясь» – «не оглядываясь»	Социально-психологическая борьба <u>веры</u> и безвыходности

Очевидна изоморфная связь смысловых противоречий *тем*, раскрывающих развитие действия, *одной проблемы* (кульминации) и активного центра (развязки). В герое, отчаявшемся в сопереживании людей, постоянно наблюдается борьба надежды и безысходности. Автор произведения касается классической коллизии природа – общество (антропологический и социальный принципы мировоззрения). Герой, излечивший свои раны на лоне дикой, сказочной, необузданной силы природы, с новыми силами идет вперед.

Итак, произведение казахстанского современного писателя «На что похожи облака?» является по жанру *рассказом*. Об этом свидетельствует малый объем (всего пять микрофокусов, т.е. тем и одна кульминация). Охвачен небольшой отрезок времени (день-два) при воспоминаниях о давних страданиях. Налицо малое количество авторские активных героев (главный герой, Баба-Яга-шаманка, Василиса, мужичье). Помимо этого, мы выделили еще один существенный критерий – это синхронное восприятие идеи произведения. Функциональными в этой связи оказались художественные детали и знаки.

Мы раскрыли и систему диффузного взаимопроникновения в ткани произведения признаков *постмодернистского* и *экспрессионистского* методов изображения, их изоморфное проявление на трех уровнях структуры текста.

Список использованных источников

1. Марат Конуров. На что похожи облака? – 7 с. // <http://www.proza.ru/>
2. Кулумбетова А.Е., Джунисова А.А., Садуакас Г.К., Мырзабекова А.К. Система содержания и формы лирического, эпического и драматического художественного текста. Учебное пособие. – Алматы: Искандер, 2008. – С. 9-11.
3. Системный анализ художественного произведения. Учебно-методическое пособие / Под науч. ред. Ю.Г. Нигматуллиной. – Казань: Казанский университет, 1992. – С. 4-14.
4. Затонский Д.В. А был ли Франсуа Рабле ренессансным гуманистом? / Опыт «постмодернистской» интерпретации «Гаргантюа и Пантагрюэля» // Вопросы литературы. – 2000. – №5. – С. 208-234.
5. Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. – Казань: Фэн, 2002. – 176 с.